

Научная статья
УДК 343.13

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ПОЛНОЦЕННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА

Владислав Николаевич Беспалов

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
Москва, Россия, bespalov-vn.2001@mail.ru

Аннотация. Научная статья посвящена рассмотрению процессуальных гарантий полноценного доказательственного значения заключения специалиста. В исследовании поднимается ряд проблем, обуславливающих сложившееся на практике отношение к заключению специалиста как доказательству меньшей юридической силы по сравнению с иными видами доказательств. В числе причин такого подхода не только непреодоленный обвинительный уклон, но и несовершенство уголовно-процессуального законодательства, которое, с одной стороны, позволяет получать заключение специалиста и невластным участникам судопроизводства, с другой – рассматривает как субъектов собирания доказательств только должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу (обозначенное в законе право защитника собирать доказательства – лишь терминологическая дань принципу состязательности). На основе проведенного исследования автор делает выводы о необходимости модернизации норм уголовно-процессуального законодательства в части обеспечения гарантий полноценного доказательственного значения заключения специалиста, которое является полноценным самостоятельным доказательством по уголовному делу. При этом автор исходит из того, что доказательства вправе собирать лишь должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство. Однако это не лишает невластных представителей сторон получать заключение специалиста и представлять их суду, следователю, дознавателю, которые вправе отказать в удовлетворении ходатайства лишь в случае неотносимости представленных сведений обстоятельствам, подлежащим установлению.

Ключевые слова: процессуальные гарантии, состязательность, сторона защиты, защитник, заключение специалиста, ходатайство, доказательство.

Для цитирования: Беспалов В. Н. Процессуальные гарантии полноценного доказательственного значения заключения специалиста // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 1 (107). С. 81–90.

Original article

PROCEDURAL GUARANTEE OF THE FULL EVIDENTIAL SIGNIFICANCE OF AN EXPERT OPINION

Vladislav N. Bespalov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya,
Moscow, Russia, bespalov-vn.2001@mail.ru

Abstract. The scientific article is devoted to the consideration of procedural guarantees of the full evidential significance of an expert opinion. The study raises a number of problems that determine the current attitude in practice to an expert opinion as evidence of less legal force compared to other types of evidence. Among the reasons for this approach is not only the unsurmountable accusatory bias, but also the imperfection of the criminal procedure legislation, which, on the one hand, allows non-powerful participants in the proceedings to receive an expert opinion, and on the other hand, considers only officials conducting criminal proceedings as subjects of collecting evidence (the right of the defense attorney to collect evidence, as specified in the law,

© Беспалов В. Н., 2025

is only a terminological tribute to the principle of adversarial proceedings). Based on the conducted research, the author draws conclusions about the need to modernize the norms of criminal procedure legislation in terms of ensuring guarantees of the full evidential significance of an expert opinion, which is a full-fledged independent evidence in a criminal case. At the same time, the author proceeds from the fact that only officials conducting criminal proceedings have the right to collect evidence. However, this does not deprive the non-power representatives of the parties of the right to obtain a specialist opinion and present it to the court, investigator, or inquiry officer, who have the right to refuse to satisfy the petition only if the information provided is irrelevant to the circumstances to be established.

Keywords: procedural guarantees, preliminary investigation, defense, defense lawyer, expert opinion, petition, criminal proceedings.

For citation: Bespalov V. N. Procedural guarantees of the full evidential significance of an expert opinion // Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1 (107). P. 81–90. (In Russ.)

Введение

Проблемы собирания доказательств защитником неоднократно выступали в качестве предмета научных исследований, и до сих пор нет единого мнения по поводу того, может ли защитник рассматриваться как субъект доказывания, в частности, как субъект собирания доказательств. Особую остроту проблема приобрела после принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), где право защитника собирать доказательства предусмотрено прямо (ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

Не углубляясь в научную дискуссию по обозначенной проблеме, отметим, что в настоящее время сложились две основные позиции по рассматриваемому вопросу. Так, некоторые ученые полагают, что защитник не является субъектом собирания доказательств, поскольку доказательства собирает исключительно должностное лицо, ведущее производство по уголовному делу [1, с. 178; 2, с. 126–127; 3, с. 34]. Другие считают, что подобный подход противоречит ч. 3 ст. 86 УПК РФ и общей тенденции по расширению возможностей обеспечения права на защиту [4, с. 101–103].

Методы

В качестве объекта исследования рассматриваются общественные отношения, складывающиеся в ходе получения и использования в уголовно-процессуальном доказывании заключения специалиста с точки зрения процессуальных гарантий его полноценного доказательственного значения. Автор при этом исходит из того, что должностное лицо, ведущее производство

по уголовному делу, является единственным субъектом, собирающим доказательства по уголовному делу. Методологической основой исследования являлись диалектической метод научного познания, а также частно-научные методы исследования, среди которых такие как: сравнительно-правовой, историко-юридический, системно-структурный. Кроме того, в ходе изучения указанной проблематики автор использовал метод эмпирического исследования. Указанные методы позволили сформулировать предложения по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства в части обеспечения гарантии процессуального значения заключения специалиста как доказательства по уголовному делу.

Результаты

Проблема обусловлена не только прямым указанием в ч. 3 ст. 86 УПК РФ на право защитника собирать доказательства и на способы такого собирания. В числе видов доказательств предусмотрено заключение специалиста, которое согласно ч. 3 ст. 80 УПК РФ формируется сторонами, представляемыми не только должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, но и иными невластными участниками судопроизводства (обвиняемый, потерпевший и т. д.). Мало того, право представлять именно доказательства предоставлено потерпевшему (п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), гражданскому истцу (п. 2 ч. 4 ст. 44 УПК РФ), подозреваемому п. 4 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), обвиняемому (п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Применительно к полномочиям защитника указано, что он вправе не только представлять

доказательства, но и собирать их (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

При этом в ч. 1 ст. 86 УПК РФ соби́рание доказательств отнесено к компетенции исключительно должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Непосредственно они согласно концепции, разработанной С. А. Шейфером, «формируют» доказательства, а именно придают им свойство допустимости [5, с. 120]. Об этом в своем исследовании пишет А. А. Анашева, указывая, что «только властные субъекты уголовно-процессуальной деятельности уполномочены собирать доказательства, а сторона защиты может только собирать сведения, которые могут быть представлены для признания их таковыми» [6, с. 42–46]. Однако некоторые авторы признают заключение и показания специалиста «доказательствами» стороны защиты» [7, с. 3–6].

Пытаясь подчеркнуть состязательный характер уголовного судопроизводства правом защитника собирать доказательства, законодатель тем не менее на первый взгляд фактически остался на позиции С. А. Шейфера, в частности не включил результаты деятельности защитника по получению сведений в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ в перечень доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). В этой связи указанное выше право представлять доказательства, предоставленное невластным участникам судопроизводства со стороны обвинения или защиты, можно было бы отнести к несовершенству законодательной техники, если бы не два обстоятельства: 1) заключение специалиста как вид доказательства формируется в том числе невластными представителями сторон; 2) защитник наделен процессуальными средствами получения сведений, которые законодатель в ч. 3 ст. 86 УПК РФ именуется доказательствами.

Отсюда возникает вопрос: не связывает ли законодатель «представление доказательств» невластными участниками, представляющими стороны именно с заключением специалиста, для формирования которого участия должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, не требуется?

Кроме того, какое значение имеют для доказывания сведения, которые получены защитником способами, предусмотренными ч. 3 ст. 86 УПК РФ?

Исходя из традиционной концепции соби́рания доказательств, обоснованной С. А. Шейфером, информация, полученная защитником (иными невластными представителями сторон), доказательством не является. Материалы, представленные ими, приобщаются к уголовному делу по их ходатайству должностным лицом, ведущим производство по уголовному делу, и только после этого приобретают такое свойство доказательства, как допустимость.

Учитывая, что нестрогость законодательной терминологии в части права собирать и представлять доказательства не укладывается в концепцию соби́рания доказательств исключительно должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу, законодатель сделал попытку разрешить проблему. В 2017 году в ст. 159 УПК РФ была включена ч. 2.2, в которой запрещается отказывать в приобщении к материалам уголовного дела доказательств (лучше бы законодатель использовал термин «сведения»), в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами. Тем же законом в ст. 58 УПК РФ включена ч. 2.1, согласно которой стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном УПК РФ, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, за исключением случаев, предусмотренных ст. 71 УПК РФ.

Таким образом, с одной стороны, сведения, полученные невластными представителями сторон, если имеют значение для уголовного дела, должны приобщаться к материалам уголовного дела (после чего собственно и приобретут статус доказательств). При этом заключение специали-

ста здесь приравнивается к иным сведениям (законодатель упорно называет их доказательствами). С другой стороны, заключение специалиста, которое может быть получено сторонами самостоятельно, по неясной причине согласно ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ формируется по соответствующему ходатайству перед должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство. При этом никаких изменений в ч. 3 ст. 80 УПК РФ не вносится.

Логика законодателя уловить трудно, однако очевидно, что в целом логичное и разумное понимание роли защитника (иных невластных представителей сторон) в доказывании в рамках традиционной концепции российского уголовного процесса ставится законодателем под сомнение, прежде всего, фактом наличия заключения специалиста как самостоятельного вида доказательств.

Проблема собирания доказательств путем получения заключения специалиста связана с деятельностью всех невластных представителей сторон, однако в судебно-следственной практике этим видом доказательства в большинстве случаев пользуются именно защитники. При этом в числе способов собирания доказательств защитником получение заключения специалиста по неясной причине не указано (ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

Положения ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ, согласно которым для привлечения специалиста стороне защиты необходимо заявить ходатайство, можно трактовать как право ходатайствовать о допросе специалиста, а не о получении его заключения. Однако вряд ли законодатель в ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ имел в виду именно это. В самом деле, в ходе допроса вопросы перед допрашиваемым ставит следователь (дознатель), и, если он не считает необходимым их постановку, в допросе необходимости не имеется. Вероятно, «привлечение специалиста» в смысле ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ подразумевает именно получение его заключения. Однако, судя по редакции ч. 3 ст. 80 УПК РФ, защитник (как и любой невластный представитель сторон) вправе получить его са-

мостоятельно, не заявляя каких-либо ходатайств.

Возникает вопрос: не попытался ли законодатель положениями ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ дезавуировать неудачную редакцию ч. 3 ст. 80 УПК РФ и оставить право на получение заключения специалиста лишь за должностными лицами, ведущими уголовный процесс?

С точки зрения О. А. Суховой, отсутствие в УПК РФ четкого указания на право привлечения защитником специалиста для получения письменного заключения, судя по положениям ч. 3 ст. 80 и ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ, не исключает такой возможности. По ее мнению, ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ свидетельствует и о недопустимости отказа в удовлетворении ходатайства защитника о приобщении заключения специалиста [8, с. 239–246]. Однако ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ – не о приобщении заключения специалиста, а о его привлечении, что же касается права самостоятельно получить заключение специалиста представителями сторон, то оно вытекает из самого определения этого вида доказательства (ч. 3 ст. 80 УПК РФ).

Внесенными в 2017 г. новеллами законодатель лишь углубил проблему. Неоднозначность их трактовок предоставила благодатную почву для углубления тенденции правоприменения игнорировать заключение специалиста, полученное стороной защиты.

Практика свидетельствует о том, что защитники активно пользуются возможностью привлекать специалистов к участию в процессе, в том числе и путем получения заключения специалиста. В основном защитники получают заключения специалиста по вопросам, разрешенным в заключении эксперта [9, с. 137–141].

Анализ положений ст. 159 УПК РФ позволяет констатировать то, что должностное лицо органа предварительного расследования в обязательном порядке должно удовлетворить ходатайство стороны защиты о приобщении заключения специалиста к материалам уголовного дела в качестве доказательства. Однако законодатель связывает такое приобщение только с установлением

обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Иначе говоря, при отсутствии процессуального значения у такого заключения специалиста следователь (дознатель) вправе полностью или частично отказать в удовлетворении ходатайства, о чем и выносит соответствующее постановление. Возникает логичный вопрос: какими положениями руководствуется следователь (дознатель) при оценке процессуального значения выводов в заявленном защитником заключении специалиста? Вправе ли он не принять заключение специалиста, если оно является доказательством, даже будучи еще не представленным следователю?

На активную реализацию защитниками права привлекать специалистов, получать их заключения обращает внимание О. А. Сухова, отмечая, что использование такого средства дает возможность выявить противоречивость, необоснованность выводов эксперта, неполноту исследования и т. д. В частности, суждения, изложенные в заключении специалиста, могут привести сторону обвинения к выводу о необходимости назначить судебную экспертизу по уголовному делу, провести дополнительную или повторную экспертизу [8, с. 239–246].

С точки зрения С. А. Шейфера, заключение специалиста можно рассматривать как эффективное средство отстаивания защитником своей позиции, «пользуясь которым сторона защиты (в интересах которой, собственно, и включен в УПК РФ этот новый вид доказательств) получает возможность оспаривать заключение эксперта, представленное стороной обвинения, или устанавливать обстоятельства, оправдывающие обвиняемого...» [10, с. 28–37].

Анализ правоприменительной практики позволяет утверждать, что заключения специалиста, представленные защитником,

нередко оказывают существенное влияние на ход уголовного судопроизводства. Так, в отношении Л. было возбуждено уголовное дело по ст. 315 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), защитник предоставил заключение специалиста-аудитора, из которого следовало, что нет оснований усматривать в действиях Л. состав указанного преступления. Дознаватель, изучив заключение специалиста, пришел к выводу, что требуется назначить финансово-экономическую судебную экспертизу, выводы которой согласовывались с заключением специалиста, вследствие чего уголовное дело в отношении Л. было прекращено¹.

В другом уголовном деле заключение специалиста в области фармакологии, полученное защитником и приобщенное к уголовному делу на основании ходатайства, позволило исключить из объема обвинения Б. факт незаконного приобретения им наркотического средства².

По уголовному делу в отношении С., обвиняемого в совершении убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ), защитник заявил перед судом ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела заключения специалиста-психолога о необходимости проведения комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы. Суд, удовлетворив это ходатайство, пришел к выводу о необходимости назначения комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы с целью установления наличия либо отсутствия состояния физиологического аффекта подсудимого в момент совершения преступления³.

Однако должностные лица, представляющие сторону обвинения, нередко считают заключение специалиста доказательством меньшей силы по сравнению с иными доказательствами.

¹ Уголовное дело №1-17/2015 // Архив Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия. 2015 год.

² Приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода от 24 марта 2016 г. по уголовному делу № 1-102/2016. Доступ из государственной автоматизированной системы «Правосудие».

³ Уголовное дело № 30093 // Материалы производства дознания УФССП России по Республике Мордовия. 2015 год.

Характеризуя практическое восприятие заключения специалиста в уголовном процессе, И. А. Копытов утверждает, что к нему относятся «как к чему-то несуществующему»¹. По мнению Т. Э. Кукарникова, заключение специалиста лишь формально является доказательством, тогда как фактически ему соответствующего значения не придается [11, с. 210]. Н. П. Майлис полагает, что нельзя рассматривать заключение специалиста как равнозначное заключению эксперта с точки зрения доказательственной силы [12, с. 52–54]. Н. С. Расулова видит в заключении специалиста доказательство лишь справочного характера [13, с. 9].

Кроме неопределенного статуса заключения специалиста, сказывается и непреодоленный обвинительный уклон. Так, О. А. Сухова, ссылаясь на результаты анкетирования практических сотрудников, отмечает, что представители стороны обвинения негативно относятся к заключению специалиста как к источнику доказательств: 90 % респондентов считают, что сторона защиты путем получения и предоставления заключения специалиста пытается обеспечить наличие доказательств, отвечающих позиции защиты [8, с. 239–246].

Отношение к заключению специалиста как к неполноценному доказательству даже в условиях путаной процессуальной регламентации – игнорирование принципа свободы оценки доказательств, суть которого сводится именно к тому, что ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы [14, с. 104–108]. Практика свидетельствует о том, что подобный подход прослеживается и в решениях судов, которые отвергают заключение специалиста без содержательной аргументации.

Так, в ходе судебного разбирательства по уголовному делу в отношении З., обвиняемого по ч. 4 ст. 111 УК РФ, защитник на основании заключения специалиста за-

явил ходатайство о проведении повторной комплексной судебно-медицинской экспертизы для установления причины смерти, поскольку из суждений специалистов следовало, что выводы судебной экспертизы являются необоснованными. Суд в удовлетворении ходатайства отказал, сославшись на наличие специальных познаний эксперта, значительный стаж экспертной работы и предупреждение эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения².

Однако предупреждение должностного лица, выполняющего судебную экспертизу, не всегда говорит о ее гарантированном качестве. Об этом и свидетельствует тот факт, что судебные органы зачастую, к сожалению, априори разделяют точку зрения обвинения, скептически относясь к материалам, представленным стороной защиты. Несомненно, это полностью нарушает принцип состязательности сторон и подтверждает тот факт, что защитник, будучи в своем процессуальном статусе, находится в зависимом положении от следователя.

О проблематичности использования защитником возможности получения заключения специалиста говорит и Н. С. Расулова, приводя в качестве аргументов своей позиции результаты опроса практикующих адвокатов, 80 % из которых сообщили, что органы расследования либо отказывают в удовлетворении ходатайства о приобщении к материалам уголовного дела заключения специалиста, либо приобщают его, но фактически игнорируют, не указывая в итоговых документах предварительного расследования в качестве доказательств. Лишь 20 % респондентов отметили, что при противоречии заключения специалиста и заключения эксперта сторона обвинения назначает дополнительную судебную экспертизу, то есть учитывает суждение специалиста, изложенное в заключении [15, с. 3–6].

¹ Копытов И. А. Приобщение к делу доказательств, собранных защитником // Уголовный процесс. 2007. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода от 24 марта 2016 г. по уголовному делу № 1-102/2016. Доступ из государственной автоматизированной системы «Правосудие».

Отношение к заключению специалиста как доказательству меньшей юридической силы недопустимо и в условиях действующей процессуальной регламентации, которая, однако, действительно несовершенна и отрицательно влияет на должное восприятие заключения специалиста.

А. А. Афанасьева в качестве основной причины проблемы называет мнение судей о том, что заключение специалиста, полученное защитником, имеет меньший «доказательственный потенциал», чем заключение эксперта, так как специалист не предупреждается об уголовной ответственности [16, с. 60–65].

Схожую позицию занимает и Н. С. Расулова, но она приводит более широкий перечень причин, вследствие которых заключение специалиста, полученное защитником, не признается «полноценным» доказательством. Помимо того, что специалист не предупреждается об уголовной ответственности, указанный автор видит проблемы в отсутствии «законодательно урегулированного порядка получения заключения специалиста в досудебных стадиях уголовного процесса», а также в том, что специалист не может проводить исследование, а лишь излагает свое суждение [15, с. 3–6].

Слабость аргументации очевидна. Факт предупреждения лица об уголовной ответственности за сообщение заведомо ложной информации – лишь одна из возможных гарантий ее достоверности. Достоверными доказательствами, как известно, могут признаваться показания лиц, не предупреждавшихся в силу закона об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, различного рода справки, иные документы, получение которых таким предупреждением не сопровождалось.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 21 октября 2008 г. № 514-О-ОЗ, исходя из смысла ст. 58 и ст. 168 УПК РФ, регулирующих процедуру приглашения специалиста для участия в процессуальных действиях, в совокупности с нормами ч. 2 ст. 159 и ч. 7 ст. 234 УПК РФ, устанавливающими ос-

нования для удовлетворения ходатайств сторон об истребовании дополнительных доказательств, отказ обвиняемому и его адвокату в удовлетворении ходатайства о допросе специалиста или приобщении к материалам дела его заключения возможен исключительно тогда, когда факты, которые специалист мог бы подтвердить, не имеют существенного значения для дела.

Однако недостатки процессуальной регламентации рассматриваемого вида доказательств, действительно, не позволяют использовать его в полной мере, в связи с чем право невластных представителей сторон на получение заключения специалиста и приобщение его к уголовному делу требует усиления гарантий его обеспечения [8, с. 239–246].

Подчеркнем, что согласно прослеживаемой в УПК РФ основной идее доказательства собирают только должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу. Это логичная позиция. Все указания на право иных участников судопроизводства собирать доказательства, представлять их – ничто иное, как дань принципу состязательности и либеральным идеям, под флером которых формировался и принимался действующий УПК РФ. В этой связи и указание в ч. 3 ст. 86 УПК РФ на право защитника собирать именно доказательства следует понимать как оборот, имеющий не юридическое, а идеологическое значение: он подчеркивает роль состязательных начал в судопроизводстве. С учетом этого ключевого обстоятельства и следует подходить к совершенствованию процессуальной формы заключения специалиста.

Заключение

Прежде всего следует скорректировать ч. 3 ст. 80 УПК РФ и определить заключение специалиста как представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом, следователем, дознавателем, судом (обратим внимание, что сегодня суд не вправе получить заключение специалиста), а также участниками процесса, представляющими стороны, в случае удовлетворения заявленного

ими ходатайства о приобщении заключения специалиста к материалам уголовного дела. Предлагаемая формулировка исключает вопрос о субъектах собирания доказательств – ими являются только должностные лица, ведущие производство по уголовному делу. При этом она не снижает гарантии состязательности, позволяя получать заключение специалиста и невластным участникам процесса, представляющим стороны, в частности, стороне защиты.

Необходимости в дополнении ч. 3 ст. 86 УПК РФ правом защитника получать заключение специалиста нет, поскольку такое право проистекает из самого предлагаемого понятия заключения специалиста. При этом было бы целесообразно дополнить ст. 86 УПК РФ частью 3.1, в которой предусмотреть обязательность удовлетворения ходатайства защитника о приобщении к материалам уголовного дела документов, полученных в соответствии с положениями ч. 3 ст. 86 УПК РФ.

Учитывая, что ст. 58 УПК РФ регулирует процессуальный статус специалиста и не предназначена для определения обязанностей должностных лиц, ведущих производ-

ство по уголовному делу, ч. 2.1 ст. 58 следует исключить. Кроме того, это позволит снять сомнение по вопросу необходимости представителям сторон заявлять ходатайство о получении заключения специалиста, поскольку они вправе сделать это самостоятельно.

Вместе с тем ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ необходимо дополнить предложениями следующего содержания: «Отказ в приобщении к материалам уголовного дела заключения специалиста допускается только по мотивам его неотносимости к обстоятельствам, подлежащим установлению, и должен быть мотивирован. После приобщения указанных сведений к материалам уголовного дела их оценка производится по правилам ст. 17 и ч. 1 ст. 88 УПК РФ».

Таким образом, заключение специалиста – полноценное доказательство и в условиях действующей процессуальной регламентации. Вместе с тем предлагаемые изменения, находящиеся в рамках традиционной отечественной концепции собирания доказательств, позволят усилить гарантии использования в доказывании этого вида доказательств и соблюдения принципа свободы оценки доказательств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зверев И. В. Субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2005. 195 с.
2. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... докт. юрид. наук. М.: МосУ МВД России, 2005. С. 126–127.
3. Шапошников В. Л. Проблемы собирания доказательств стороной обвинения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2005. 211 с.
4. Россинский С. Б. Собирание доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 3. С. 101–103.
5. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. 208 с.
6. Анешева А. Т. Правовое регулирование процедуры ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта нуждается в совершенствовании // Российский судья. 2020. № 8. С. 42–46.
7. Буфетова М. Ш., Демешко И. В. Заключение специалиста как доказательство стороны защиты: актуальные проблемы теории и практики // Адвокатская практика. 2019. № 3. С. 3–6.
8. Сухова О. А. Право адвоката-защитника на получение заключения специалиста и представление его для приобщения к материалам уголовного дела: гарантии и проблемы обеспечения // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 239–246.
9. Логвинец Е. А., Ляхова А. М., Каторгина Н. П. Проблемы использования заключения специалиста при осуществлении защиты по уголовным делам // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: философия, социология, право. 2018. Т. 43. № 1. С. 137–141.

10. Шейфер С. А. Куда движется российское судопроизводство? (Размышления по поводу векторов развития уголовно-процессуального законодательства) // Государство и право. 2007. № 1. С. 28–37.
11. Кукарникова Т. Э. Заключение эксперта и заключение специалиста: их соотношение и роль в уголовном процессе // Воронежские криминалистические чтения: сборник науч. трудов; под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 2010. С. 206–213.
12. Майлис Н. П. О соотношении заключений специалиста и эксперта. Актуальные вопросы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: сборник статей. М.: Академия управления МВД России, 2004. С. 52–54.
13. Расулова Н. С. Заключение специалиста как средство доказывания в уголовном судопроизводстве: дис ... канд. юрид. наук. М., 2022. 200 с.
14. Победкин А. В. Принцип свободы оценки доказательств и его влияние на законность досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 104–108.
15. Расулова Н. С. Процессуальное оформление сведений, полученных защитником от специалиста в качестве доказательств в досудебном производстве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 3–6.
16. Афанасьева А. А. Особенности реализации прав стороны защиты в собирании доказательств по уголовным делам // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 3 (61). С. 60–65.

REFERENCES

1. Zverev I. V. Subjects of proof in criminal proceedings: diss. ... Cand. of Law. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005. 195 p. (In Russ.)
2. Pobedkin A. V. Theory and methodology of using verbal information in criminal procedural proof: diss. ... Doctor of Law. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. P. 126–127. (In Russ.)
3. Shaposhnikov V. L. Problems of collecting evidence by the prosecution in criminal proceedings in Russia: diss. ... Cand. of Law. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 211 p. (In Russ.)
4. Rossinsky S. B. Collection of evidence as the “first” stage of proving in a criminal case // Legal Bulletin of Samara University. 2020. Vol. 6. No. 3. P. 901–103. (In Russ.)
5. Sheifer S. A. Investigative actions. System and procedural form. Moscow, 2001. 208 p. (In Russ.)
6. Anesheva A. T. Legal regulation of the procedure for familiarization with the resolution on the appointment of a forensic examination and the expert’s report needs to be improved // Russian Judge. 2020. No. 8. P. 42–46. (In Russ.)
7. Bufetova M. Sh., Demeshko I. V. Expert’s opinion as evidence of the defense: current problems of theory and practice // Advocate practice. 2019. No. 3. P. 3–6. (In Russ.)
8. Sukhova O. A. The right of a defense attorney to obtain an expert opinion and submit it for inclusion in the criminal case file: guarantees and problems of enforcement // Problems of Economics and Legal Practice. 2018. No. 3. P. 239–246. (In Russ.)
9. Logvinets E. A., Lyakhova A. M., Katorgina N. P. Problems of using an expert opinion in the implementation of defense in criminal cases // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: philosophy, sociology, law. 2018. Vol. 43. No. 1. P. 137–141. (In Russ.)
10. Sheifer S. A. Where is Russian legal proceedings heading? (Reflections on the vectors of development of criminal procedural legislation) // State and Law. 2007. No. 1. P. 28–37. (In Russ.)
11. Kukarnikova T. E. Expert opinion and specialist opinion: their relationship and role in criminal proceedings // Voronezh forensic readings: collection of scientific papers; edited by O. Ya. Baev. Voronezh, 2010. P. 206–213. (In Russ.)
12. Mailis N. P. On the relationship between specialist and expert opinions. Current issues in the theory and practice of criminal proceedings and forensic science: collection of articles. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. P. 52–54. (In Russ.)
13. Rasulova N. S. Expert opinion as a means of proof in criminal proceedings: diss ... Cand. of Law. Moscow, 2022. 200 p. (In Russ.)

14. Pobedkin A. V. The principle of freedom of evidence assessment and its influence on the legality of pre-trial proceedings // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 1 (41). P. 104–108. (In Russ.)

15. Rasulova N. S. Procedural registration of information received by the defense from a specialist as evidence in pre-trial proceedings // Bulletin of Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2. P. 3–6. (In Russ.)

16. Afanasyeva A. A. Features of the implementation of the rights of the defense in collecting evidence in criminal cases // Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (61). P. 60–65. (In Russ.)

Информация об авторе:

В. Н. Беспалов, адъюнкт.

Information about the author:

V. N. Bespalov, adjunct.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 20.02.2025; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 21.03.2025.